

Перемена участи

— "Жертвы" — уже второй ваш фильм, действие которого происходит в Африке. Может быть, Черный континент — ваша судьба?

— О, наверное. Африка — сама по себе целая планета. Ведь это самый древний континент, и земля помнит такое, что нам и не снилось. Африка. Когда я был маленьким, телевидения еще не существовало, и мы, мальчишки, бегали в кино, чтобы посмотреть на африканских животных.

— Вас все время называют то "актером-шансо-нем", то "шансонье-актером". Не надоело?

— Нет, отчего же? Актер-шансонье, шансонье-актер — звучит очень приятно. Вот если бы меня называли "развратником-уродом" — тогда другое дело.

— В 80-е годы вас упрекали в том, что ваши клипы интереснее ваших песен.

— Ну и замечательно! Что в этом плохого? Кстати, я попросил Патрика Грандперре снять один из моих клипов сразу же после того как мы закончим работу над "Жертвами". Я уже думал о том, чтобы пригласить снять клип Шаброля или Соте, но пока как-то не сложилось. Понимаете, я ведь уже несколько лет не звонил ни тому, ни другому. К тому же оба только что выпустили по очень удачному фильму. Но это я так, это наши внутренние дела. Я мечтаю, чтобы какой-нибудь из моих клипов поставил Морис Пиала. А вы знаете, что клип A part са поставил Жан-Мари Перье? Ужасно обидно, что мы так редко видимся. Знаменитая семейка — Жан-Мари, брат знаменитой Анн-Мари, дочери знаменитого Франсуа Перье! Они живут всего в пяти километрах от меня, но как-то неудобно вот просто так ввалиться к людям!

— А вы не испытываете чувства неудобства, когда слышите в барах свои песни?

— Ну, отчего же? Они как

раз рассказывают о состоянии души, при котором хочется пойти в бар. Вечер, по стенам ползают тараканы, сломалась пишущая машинка, бутылка со скотчем почему-то уже пуста, остается только надеть шляпу, выйти в ночь и забыть обо всем.

— Вас не раздражает наплевательство окружающих?

— "Наплевательство" — устаревшее слово, теперь все говорят "пофигизм". Знаете, меня часто называют пофигистом. Но это еще глупее, чем называть меня плейбоем. Клянусь, я не пофигист!

Жан Дютронк — африканец

Ален КРЮГЕР

— Но зато плейбой, не так ли? Между мужской и женской компанией вы неизменно выбираете женскую!

— Согласен, но смеяться предпочитаю в компании мужчин. По-настоящему остроумных женщин мало, разве только Валери Лемерсье. Впрочем, не знаю, может быть, до меня просто не доходит женский юмор.

— Для вас смеяться не менее важно, чем...

— Именно. Не менее важно, чем... сами знаете что.

— Кем по профессии вы себя считаете?

— Ну, в паспорте про меня писали всякое — артист варьете, лирический артист, — но я предпочел бы, чтобы меня называли просто комедиантом.

— Вернемся к женщинам.

— Вернемся.

— Сколько женщин было в вашей жизни?

— Ммм... Три? Четыре? Я имею в виду — одновременно. Больше уже неинтересно.

На Рождество Франция получила новый фильм для детей — ленту Патрика Грандперре "Властелин слонов" (Le maitre des elephants), где главную "взрослую" роль сыграл поэт, музыкант, шансонье и актер Жак Дютронк.

Сочинитель "провокационных" песен 60-х годов дебютировал в кино в 1973-м в ленте "Антуан и Себастьян", и с тех пор снимался много и эклектично. Его можно было видеть в изящных безделушках Лелуша "За нас двоих" и "Хорошие люди и злодей"; в злой сатире Годара "Спасайся, кто может"; он играл у Жулавского в "Важно любить" и "Мои ночи прекраснее ваших дней"; у Соте в "Мадо"; его партнершами были Изабель Аджани и Катрин Денев, Софи Марсо и Натали Бэй, Анни Жирардо и Роми Шнайдер. Но только в 1991 году, сыграв заглавную роль в "Ван Гог" Мориса Пиала, Дютронк доказал, что является актером большого масштаба. Французская киноакадемия присудила ему "Сезара" за лучшую актерскую работу года.

А теперь Дютронк радуется зрителей фильмом о приключениях в Африке. Накануне выхода "Повелителя слонов" на парижские экраны корреспондент журнала Premiere взял интервью у 53-летнего актера, который сейчас завершает съемки в фильме "Жертвы" в Марокко.

можно разговаривать!

— Не сердитесь. Просто я не умею и не хочу давать оценки чужим произведениям. Это ваше дело, господа критики.

ПАРИЖ.

но, правда? Они становятся стадом, а ты превращаешься в пастуха с кнутом.

— Вы бы согласились на свидание вслепую?

— Черта с два — вслепую! Я не знаю, как мне разоб-
браться с теми, с кем уже знаком, а вы — вслепую?

— Говорят, машин у вас было не меньше, чем женщин?

— Правильно говорят. Значит, так. Сейчас у меня есть "Пежо-103", "Лада" красная с цистерной и насосом, "Лада" белая, черный фольксваген с откидным белым верхом, "Ленд-ровер", "Додж" с вагончиком, "Мерседес", "Роллс-ройс"... подождите, я еще не кончил!

— Вы это серьезно?

— Еще как серьезно!

— Вы коллекционер?

— Нет, я владелец большого гаража. Наверное, я похож на тех, кто бросает курить: они курят чужие сигареты. Вот и я подбираю чужие машины.

— Какую книгу вы сейчас читаете?

— Я начал читать, но не знаю, кончу ли. Называется "Корсика". Мне ее кто-то прислал. До сих пор не могу понять, зачем.

— И что же это за книга?

— Ну, вы слишком много от меня требуете. Я читаю только заголовки.

Ведь наша культура — культура заголовков, не правда ли?

— С вами невоз-